

В последние годы значительный прогресс наблюдался в той части экономической науки, которая рассматривает экономические явления в абстрактном, чисто логическом виде. Несравненно слабее развивается конкретно-исторический метод исследования экономических явлений. Между тем он позволяет выявить такие стороны экономической жизни, которые трудно установить чисто логическим путем. В рецензируемой книге бросается в глаза разрыв между глубиной и аргументированностью абстрактно-теоретического анализа проблемы экономического роста и слабостью конкретно-исторического объяснения колебаний темпов развития советской экономики в различные периоды. Авторы отступают даже от имеющихся достижений в изучении этого вопроса. Так, они сравнивают темпы роста в различные периоды с помощью исключительно стоимостных показателей. Между тем многие видные советские экономисты (Вайнштейн, Кронрод, Ноткин и другие) указывали, что в периоды коренных структурных сдвигов стоимостные показатели искажают реальные темпы роста. Если бы авторы использовали в качестве измерителей, хотя бы для предвоенных лет, такие ключевые продукты, как прокат черных металлов, топливо, цемент, зерно, важнейшие потребитель-

ские товары, железнодорожные перевозки, они пришли бы к более верным представлениям о динамике экономического развития в этот период. С помощью такого анализа нетрудно установить ошибочность глубоко укоренившегося представления, будто темпы роста в годы второй пятилетки были ниже, чем в первой, и что снижение темпов в 1937—1940 годах было незначительным. Это позволило бы установить и более обоснованную периодизацию истории советской экономики, основанную не на плановых периодах, а на фактическом развитии.

Правильное исчисление динамических рядов экономического роста имеет сугубо актуальное значение. Дело в том, что в планировании, особенно перспективном, широко используется метод экстраполяции, состоящий в том, что выводы, полученные из наблюдения над одной частью какого-либо явления, распространяются на другую его часть. Потому ошибки в оценке тех или иных показателей в прошлом серьезно затрудняют перспективное планирование. Преодоление отставания конкретно-исторического направления советской экономической мысли является непременным условием ее дальнейшего прогресса.

Г. ХАНИН.

Новосибирск.

ПОИСКИ НОВОЙ КОНЦЕПЦИИ

Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. Материалы дискусии об общественных формациях на Востоке (Азиатский способ производства). «Наука», М. 1966. 248 стр.

У нас еще до сих пор встречается, если так можно выразиться, «хронологический» подход к актуальности в исторической науке. XX веком заниматься актуальнее, чем XIX, XIX — актуальнее, чем XVIII, а XVIII веком до нашей эры заниматься совершенно неактуально и даже не совсем ясно, для чего им вообще надо заниматься.

Книга «Общее и особенное в историческом развитии стран Востока» — один из примеров, опровергающих подобные взгляды. Истинная актуальность исторической проблемы — не просто в хронологической близости к нашему времени, а в ее социологической содержательности. Именно через социологические обобщения вопросы

самой древней истории могут иметь и имеют прямое отношение к животрепещущим проблемам современности.

Эта книга представляет собой материалы обсуждения проблемы «азиатского» способа производства. Обсуждение было организовано в мае 1965 года в Институте народов Азии АН СССР.

Вопрос об «азиатском» способе производства имеет большую и сложную историю. Еще Маркс и Энгельс неоднократно отмечали особенности исторического пути Востока. Эти особенности они видели в необычной для Запада роли государства. Деспотическое восточное государство часто само является главным эксплуататором трудя-

щихся. Причины этого, по их мнению, заключались в том, что специфика распространения на Востоке ирригационного земледелия, требующего широких общественных работ, приводит к отсутствию или ограничению частной собственности на землю и к особой устойчивости общин, внутри которых разделение труда может происходить без ущерба для их прочности. «Связующим единством» между ними является деспотическое и бюрократическое государство, которое, обладая верховной собственностью на землю, осуществляет общественные работы и эксплуатирует общины. Самодовлеющий характер подобной системы порождает застойность восточных обществ. В таких социальных структурах Маркс и Энгельс видели особый способ производства, условно названный ими «азиатским».

Но вопрос о месте этого способа производства в человеческой истории, о движущих силах его развития не был ими окончательно разрешен, что легко объяснить крайне малой изученностью в их время истории древнего Востока. Очевидно, именно поэтому иногда Маркс и Энгельс, говоря об историческом пути человечества, вообще не упоминают «азиатского» способа производства¹.

Плеханов был сторонником концепции «азиатского» способа производства, но в целом до Октябрьской революции марксистская мысль мало разрабатывала эту проблему.

Тем временем с конца XIX века происходит колоссальный рост сведений по древней и средневековой истории, что позволяет поставить вопрос на более широкой и глубокой основе. С другой стороны, проблема «азиатского» способа производства приобретает особую актуальность в связи с подъемом национально-освободительного движения, а затем в связи с приобретением независимости колониальными странами Востока и выходом ряда этих стран на «некапиталистический» путь развития. Для того,

чтобы глубже понять характер и перспективы этого пути, нужно знать и понимать прошлое.

В советской науке вопрос об особенностях исторического развития Востока и «азиатском» способе производства был поставлен в дискуссии конца двадцатых — начала тридцатых годов. В ходе дискуссии принята была концепция, согласно которой все человечество проходит в своем развитии пять общественно-экономических формаций: первобытнообщинную, рабовладельческую, феодальную, капиталистическую и коммунистическую. К сожалению, в специфической обстановке того времени эта концепция, сыгравшая положительную роль в развитии науки, превращена была в догму. Ученым, считавшим, что существовали какие-либо формации или пути развития, не укладывающиеся в принятую схему, были предъявлены идеологические обвинения, и они были вынуждены умолкнуть. Все это задерживало развитие нашего востоковедения, хотя, конечно, и в тех условиях оно продолжало идти вперед, накапливая все новые факты.

После XX съезда партии в отдельных работах советских и зарубежных ученых-марксистов видно стремление вернуться к обсуждению этого вопроса. Поворотным пунктом был 1964 год, когда вышла в свет книга академика Е. С. Варги «Очерки по проблемам политэкономии капитализма», в которой он посвящает специальную главу «азиатскому» способу производства. Это положило начало новой широкой научной дискуссии, кульминационным пунктом которой как раз и явилось обсуждение, ставшее содержанием рецензируемой книги. В нем приняло участие большое число ученых, представляющих едва ли не все основные мнения и оттенки мнений по данному вопросу.

Лишь немногие из выступавших утверждают, что сама попытка поставить под сомнение универсальность принятой схемы есть дело непужное и даже вредное. Большинство же участников, в том числе и сторонники традиционной концепции, считает дискуссии необходимым этапом в развитии советской науки. Некоторые из выступавших, например В. Н. Никифоров, не отказываясь от этой концепции, признают, однако, что «живущее до сих пор в представлении многих упрощенное изображение рабовладельческого строя (как в Европе, так

¹ Взгляды Маркса и Энгельса на эволюцию восточных обществ до последнего времени не были предметом специального изучения. Интересующихся этой проблемой отсылаем к содержательной статье Н. В. Тер-Акопяна «Развитие взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса на азиатский способ производства и земледельческую общину» («Народы Азии и Африки», №№ 2, 3, 1965).

и на Востоке) нуждается в исправлении». Иные же вообще полагают, что «для большей части мира нужно отказаться от правомерной для Европы идеи обязательной последовательности смены докапиталистических формаций» (В. А. Тюрин). Эти ученые считают, что отличие социальных структур восточных обществ от классических образцов европейского рабовладения и феодализма настолько велико, что в них нельзя видеть лишь местные особенности одних и тех же формаций. Все они подчеркивают особый характер деспотического государства на доколониальном Востоке, его необычайное для Запада экономическое значение, слабое развитие рабовладения. Указывают, что в ряде стран в периоды, приписываемые к эпохе феодализма, рабство играло большую роль, чем в периоды, традиционно считающиеся периодами рабовладельческой формации. Но и в понимании характера «азиатского» способа производства, и в представлении о его хронологических рамках имеют место глубокие разногласия.

Одни видят в «азиатском» способе производства переплетение рабовладения с феодализмом, взаимно оказывавших тормозящее влияние друг на друга, чем и объяснялись медленные темпы развития Востока (Л. С. Васильев и И. А. Стучевский, причем И. А. Стучевский считает, что постепенно азиатская формация переходила в формацию феодальную). Другие полагают, что азиатский способ производства — особая форма рабства и феодализма, «осложненная длительным существованием общины» (В. В. Крылов). М. А. Виткин указывает на наличие особого периода эксплуатации крестьянства со стороны бюрократии и думает, что это нечто вроде последнего этапа первобытнообщинного строя. Ю. М. Кобищанов считает, что вообще следует отказаться от таких понятий, как рабовладельческий или «азиатский» способы производства, и всю историю древнего мира (в том числе Греции и Рима) пытается причислить к феодальной формации.

Наиболее радикальной является концепция Л. А. Седова, который отстаивает существование трех совершенно различных типов «доиндустриального» развития. Одни из них — известный нам европейский тип.

Другой — это тип обществ кочевников-скотоводов. Третий — тип земледельческих обществ, основанных на ирригации, — особо характерный для Азии. Каждый из этих типов развития имеет свою, особую стадийность, которую Л. А. Седов и пытается проследить по отношению к «азиатскому» типу. Э. О. Берзин также указывает на многообразие путей образования государства и классов и в связи с этим на многообразие путей исторического развития докапиталистических обществ.

Мы не можем в настоящей рецензии оценивать все эти точки зрения и обсуждать аргументацию их сторонников. Многие интересные выступления здесь вообще не упомянуты, но уже из сказанного видно, что в ходе обсуждения было высказано много оригинальных концепций и мыслей. Каковы же итоги дискуссии?

Ее значение в том, что она обобщает достижения советского востоковедения и намечает дальнейшие пути его развития, ставит ряд важных исторических и философских проблем.

Дискуссия способствовала, в частности, выработке более широкого взгляда на проблемы государства. Актуальность этих проблем самоочевидна. Их разрешение поможет уяснить характер социальных структур во многих странах Азии и Африки, понять сложные процессы в современном Китае.

К положительным итогам дискуссии можно отнести и ее здоровый, творческий характер. Все ее участники в своем анализе исторического развития Востока исходят из марксистской методологии. Разногласия между ними велики, но разногласия при изучении сложного и запутанного вопроса — признак нормального, естественного развития науки, в то время как искусственное единогласие — болезненное явление. И очень ценно, что при самом широком расхождении в подходе к проблеме для большинства выступавших характерно трезвое отношение к своим собственным взглядам, терпимость и уважение ко взглядам противников.

Дискуссия в Институте народов Азии и появившаяся в результате нее книга — свидетельство новых плодотворных поисков в нашей науке.

Д. ФУРМАН.